

«Наедине с тобой»

1 ноября Дворец культуры «Октябрь» предоставит свою сцену для заслуженного артиста России Эвклида Кюрдзидиса. Любое его появление на сцене или на киноэкране всегда вызывает интерес и трепет со стороны его поклонников. Настало время и дубненцам познакомиться с его авторской музыкальной программой «Наедине с тобой», и наша сегодняшняя беседа станет неким приглашением на столь прекрасный концерт-импровизацию.

— Эвклид, творческие встречи — это отчасти экспромт, получается некий актерско-зрительский дуэт?

— Вы знаете, всегда есть зона для экспромта, но весь концерт — это, конечно, наработанное и срежиссированное действие. Это уже наигранная история, потому что с программой я работаю пару-тройку лет, но она варьируется. Зону экспромта я оставляю не для себя, а для зрителя. Я люблю эти встречи, потому что главным их режиссером становится зритель.

— Вы даете возможности зрителю подсказать вам некоторые моменты, что бы им сейчас хотелось услышать?

— Да, потому что в Москве один зритель, в Санкт-Петербурге — другой, в Рязани — третий, в Дубне я узнаю тоже своего зрителя. Одно я знаю точно — это мой зритель! Он знает меня по фильмам и спектаклям. Зная мое творчество, он может и режиссировать действием, что для меня очень дорого. Для меня это всегда по вдохновению интуитивно собранная история из песен, собственных историй и впечатлений, связанных с Дубной или вообще...

— Можно ли назвать это спектаклем про самого себя?

— Мне нравится называть программу концерт-импровизацией, это не спектакль, не творческий вечер в чистом виде, хотя я люблю этот формат. Он как-то забыт уже годами, и мне хочется его восстановить, потому что я помню те времена, когда я радостно бежал на творческую встречу любимых актеров. Именно там я мог увидеть, какие они в жизни, о чем они думают... Олег Борисов, Алиса Фрейндлих, Инна Чурикова... Какие они мегаталантливые в кино и театре — это я видел, а вот какие в жизни — безумно интересно. Поэтому и мой концерт — это живая встреча, чтобы зритель мог узнать меня поближе. А так как в кино я много играл террористов, бандитов, то я хочу развесить мнение, что я такой ужасный и мерзопакостный. Нет-нет и появляется тот человек, который остановит на улице, и я-то думаю, что он мне скажет какую-то приятную вещь, а он произносит: «Как я вас ненавижу». Причем мы незнакомы вообще. Я понимаю, что это высший комплимент мне как актеру, безусловно, но я остаюсь настолько в недоумении, ведь человек не понимает, что актер создает образ, который к его личности не имеет никакого отношения.

— Актеры пишут автобиографические книги, про них снимаются программы, но и то и другое можно переписать или переписать, а выход в зал для монолога о себе и диалога со зрителем — это существование «здесь и сейчас»...

Эвклид Кюрдзидис

— Мне очень нравится название «Наедине с тобой». И я не стесняюсь назвать это свиданием со своим зрителем. Знаете, Элеонора, зритель почти всегда задает один и тот же вопрос: «А вы что, видите тех людей, которые сидят в зале, видите их глаза?» Я вижу! А иначе какой смысл разговаривать с темнотой?!

— Я заметила, что часто творческие встречи проходят так — лучом света освещается артист и вокруг — темнота....

— Даже если так, я всё равно вижу зрителя. Когда мы играем спектакли, то, конечно, зрителя я не вижу...

— Потому что у вас есть сценическое пространство, а зритель находится за ним.

— Да, это «четвертая стена», а на концерте только диалог со зрителем. Не монолог, даже если вдруг я читаю монолог из спектакля. Поэтому я вижу каждого — грустного, уставшего, с философскими мыслями, радостного, настороженного, с вопросами, которые они могут мне задать. Я вам скажу, что многие журналисты этим пользуются — они попадают на мои концерты, зная, что на них я искренне отвечаю на любые вопросы, запретных вопросов на моих встречах не бывает...

— А как это происходит — зрители пишут и передают записки?

— Да, иногда это записки или громко говорят с места. И я всегда отвечаю на каждый вопрос! Иногда на вопрос отвечаю песней, иногда стихотворением. Для меня так важно, чтобы каждый пришедший в этот зал человек на два часа забыл про быт, про неурядицы, несправедливость, обиды, депрессию. Мне хочется чуть-чуть приподнять зрителя и вместе с ними приподняться, взлететь и о чем-то о высоком поговорить, подумать, послушать, помолчать... Я призываю не только меня послушать, я сам внимательно слушаю, когда со мной общается мой зритель.

— Это хорошая возможность прийти и пообщаться с артистом, высказать свои мысли, поблагодарить.

— Знаете, в Санкт-Петербурге на одном из концертов практически не было вопросов. Они были там не нужны, потому что у меня получилось предотвращение вопросов, когда я рассказывал истории в контексте видео, которое шло на экране, вдруг отвечая этим на вопрос социальный, личный или политический. Любая песня, которая мной исполняется, неслучайна. Их авторы лично для меня написали, и каждая из них связана с историей. Вы знаете, я однажды побывал на творческом вечере одного именитого артиста, мне очень было интересно его слушать, но зритель вставал и уходил, потому что он полтора часа рассказывал, что он родился в таком-то году, в селе том-то, как он рос. Нет, у меня совсем иная история, я не рассказываю свою биографию, это единственное, о чем я хочу предупредить зрителей, которые буду читать наше с вами интервью,

— Все-таки подобный вечер — это не автобиографическая книга.

— Да, и я знаю, что каждый уходит из зала с чем-то своим. Кто-то улыбнется — и я счастлив, другой задумается — и я тоже счастлив! Я знаю, что человек, пришедший ко мне, не пожалеет! Моего зрителя ждут сюрпризы и подарки, а с чем они связаны, дубненцы узнают на нашей встрече.

— Актер — это профессия-миссия. Что для вас важно привносить в жизни людей с помощью актерской игры?

— Через роли хочется нести разное. Так как я играю в кино много отрицательных персонажей, мне очень хочется, чтобы зритель, который смотрит картину, не стал топтать человека, потому что это тоже человек — он оступился, сделал ошибку, его надо попытаться понять. Огульно осудить и затоптать легко. Во всех своих отрицательных персонажах я стараюсь найти максимально положительные качества, чтобы зрителю хотя бы было его жалко, как минимум. А зрителям, которые понимают более глубоко, осознать, что с ним произошло и почему. А не так: это — черное, и мы его очеркиваем, а это — белое, мы его обожаем. Я безумно счастлив играть и положительных героев, в таких ролях играю свой идеал, к которому я бы хотел стремиться и быть похожим на него.

— То есть возлагаете на себя миссию идеала?

— Да, и на себя тоже. В каждом человеке есть половина прекрасного и половина темных качеств характера. И умение бороться с собственными темными качествами характера — это и есть основная непростая задача.

— Если говорить про театр, то в нем вечным стало противостояние между искусством переживания и искусством представления. Для вас важнее жить на сцене настоящими чувствами персонажа или чтобы сценическая игра основывалась на технических приемах воспроизведения внешней формы переживания и поведения?

— Я вырос на русской культуре и русской актерской школе. Поэтому мне ближе школа перевоплощения, и когда мне предлагают неожиданные роли, то я за это сразу цепляюсь и мне это безумно интересно. Хотя мне говорят: лучше бы ты вышел в 60 картинах в одинаковом образе и тебя бы все знали наизусть, а так тебя бы все знали невозможность! А я люблю это дело. Так интересно надевать шкуру другого человека, абсолютно не похожего на тебя. Другого социального статуса, другой национальности, иного мышления и темперамента. Все качества тебе неведомы!

— Эвклид, актерам необходимо сценическое поведение приблизить к жизненному, показав правду подлинной жизни, не искажая действительности. Создание ясности содержания и формы требуют виртуозной техники и высокого мастерства?

— Каждая роль — это всё время заново и ты всё время учишься. Я вспоминаю своего мастера — народного артиста России Анатолия Ромашина, который всегда говорил: «Невозможно всю роль сыграть на 100%. Невозможно! Но если ты хоть одно мгновение роли сыграл гениально, то ты роль сделал! И она у тебя случилась». И если в течение всей роли я зацепил, то я победил и выполнил свою задачу.

— Но спектакль — это актерский ансамбль, и важна сыгранность и целостная правдивость. Как обретается целостность действия?

— Так по-разному всё. Я сейчас вспомнил анекдот, когда режиссер репетирует-репетирует и актер послушно всё делает, а режиссер говорит: «Нет, я передумал, по-другому всё будем делать». Актер делает по-другому. Завтра приходит режиссер и говорит: «Я понял, всё, что делали вчера, забываем и делаем сегодня вот так». И актер всё послушно выполняет. И наступает день премьеры — режиссер желает всем ни пуха ни пера, уходит в зрительный зал, садится, начинается спектакль и актер играет вообще не то, что хотел бы режиссер. Останавливается действие, и режиссер кричит: «Я же вам говорил играть вот это». На что актер отвечает: «Когда вы репетировали, я же вам не мешал. Теперь время моей игры и не надо

мне мешать». Поэтому всё так по-разному и, конечно, хорошо, когда есть замечательные партнеры, и это такое счастье. Но если ты любишь своего героя, то выкладываешься в своем отрезке полностью. Мы ведь каждый отвечаем за свой отрезок. За характер героя, за его темперамент.

— Творческий вечер — это всегда диалог, итогом которого становятся аплодисменты. Что они значат для Вас?

— Конечно, самое главное, что я вижу во время своих концертов — это глаза зрителей. Иногда приходят очень циничные люди, и я вижу, как в течение часа этот циничный взгляд меняется. И я уже счастлив. Для артиста самое ценное не подарок, не цветы, а просто удар в ладоши и больше ничего. И если понравилась работа артиста, то нет ничего дороже аплодисментов. Есть случаи, когда зритель настолько погрузился в то, что увидел и услышал, он не хочет разрушать эту историю и закончить ее своими аплодисментами. Мне всё это видно. И важно с чем уходит зритель. Если он уходит счастливым, то он щедро аплодирует и просит иногда на бис исполнить произведение. У меня было выступление с симфоническим оркестром в Рязани, мы уже закончили программу, поклонились, зритель встал и начал скандировать и требовать стихотворение и музыку Чайковского. Мы были очень удивлены, переглянулись с режиссером и на бис исполнили из 20 произведений именно то, что скандировал зритель...

— Это к вопросу о том, что режиссером действия становится зритель.

— Да, конечно, режиссирует зритель, он вступает в диалог, порой очень смело. Я уважаю своего зрителя, он у меня какой-то настоящий, умный и деликатный! Конечно, это не просто — быть одному на сцене, легче сыграть 10 спектаклей...

— Поэтому не все актеры на это идут, и не всем это идет. Живое общение имеет свои нюансы.

— Притом, что каждый зритель приходит за чем-то своим, есть мои почитатели, которые не пропускают ни один из моих концертов. Песен уж много, а я интуитивно выбираю то, что вдруг кажется, что к 1 ноября в Дубне было бы хорошо исполнить. Удивительно, но получается угадывать пожелания зрителей. Вот это и есть моменты волшебства, как я называю их в нашей профессии. И нет ответа, откуда они берутся. В Дубне будет совершенно не похожий на предыдущие мои концерты — свой, уникальный, только для дубненцев! *Беседовала Элеонора Ямалева*